

Из множества идей русской философии XIX — XX вв. евразийство в настоящее время наиболее востребовано в силу заложенной в нем концептуально объединительной тенденции, толерантной открытости к различным влияниям с сохранением своей самобытности.

Толерантность русской философии не исчерпывается перечисленными идеями. Воссоздать ее полную картину еще предстоит.

О. Б. Ионайтис,
доцент каф. истории философии УрГУ
(г. Екатеринбург)

ЧЕЛОВЕК НА СЛОМЕ ЭПОХ

В конце X в. начался новый период отечественной истории. Принятие христианства коренным образом изменило самосознание русского человека, поставило ряд совершенно новых проблем в понимании самого человека, его души, роли в разрешении спора между добром и злом. Поэтому неслучаен интерес к этой проблематике мыслителей Киевской Руси.

Обратившись к сочинениям XI — XIII вв., мы читаем, что как бы ни был прекрасен мир, созданный Богом, вершиной творения является человек, более того — сам процесс творения был совершен для него. Осознание этого делает человека счастливым, смелым, гордым и открывает неограниченные перспективы для деятельности и творчества.

В своем «Поучении» Владимир Мономах пишет о том, что все существующее Бог дает в управление человеку. При этом речь идет не об отдельном человеке, а обо всем человечестве, о человечестве во времени и в пространстве, в истории. Отсюда значимость проблемы истории, в которой участвуют совместно Бог, человек и мир. Поэтому так волновало русских книжников понимание души человека, ее устремлений, а с учетом исторических реалий — понимание человека в эпоху становления нового мировоззрения.

Авторы «Изборника Святослава 1073 года» представляют человека состоящим из тела, плоти, души и духа. Они употребляют понятие «тело» в противоположность «духу», а «плоть» рассматривают в оппозиции «душе». Для понимания истоков такого представления необходимо учитывать, что

в древнерусском языке слово «душа» имело значение — «то, что дает жизнь существу», «душа», «духовная сторона человека», «духовные свойства», «нравственные качества», «совесть», «обещание», «человек», «жизнь», «существо вообще» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 749—751), а слово «тело» означало — «истукан», «идол», «тело человека», «изображение человека», «величина тела», «рост», «возраст», «образ», «вид», «существо материальное, как противоположность духу» (там же. Т. 3. СПб. 1091—1093).

Авторы «Изборника Святослава...» указывают, что если плоть и душа «комплектуют» тело, то дух оказывается силой, автономной по отношению к телу. Тело — одушевленная плоть. Таким образом, душа считалась частью тела, она при помощи плоти воплощена в теле. Душа же и противоположна плоти. В человеке «воюет присно плоть и душу» — подчеркивается в распространенном в Киевской Руси «Поучении о мытаре и фарисее» Иоанна Златоуста (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897. Вып. 3. С. 168—169). В этом же смысле митрополит Никифор Киевский подчеркивает, что «рать в нас многа, и противитися плоть духови и дух плоти» (Послание Никифора митрополита Киевского к великому князю Владимиру // Русские достопамятности. М., 1815. С. 61—62). Аналогичные идеи звучат в древнерусских списках «Толковой Палей».

Таким образом, делают вывод авторы «Изборника Святослава...», все присутствующие в человеке изъяны и несовершенства, пороки оказываются связанными не с телом, но с плотью. Следовательно, зло мыслится не в самом телесном, но в испорченности плоти, вызванной грехопадением. Причина зла и греха, таким образом, не в материи, а в воле. И, следовательно, цель спасения усматривается не столько в освобождении души от плоти, сколько в освобождении плоти от греховности, исправлении ее через одуховление.

Но были представлены и другие варианты. Например, в «Изборнике 1076 года» дилемма «плоть — душа» решалась так: различие у человека души и тела можно мыслить лишь в абстракции. Автор сборника, следуя канону, приписывающему понимать Христа состоящим из двух природ — Божественной и человеческой, проецирует это понимание единства двух природ на человека. Поэтому душа и тело едины и не-

раздельны, их нужно различать по свойствам, функциям и назначению.

Но какой бы точки зрения ни придерживались древнерусские авторы, все они сходились в одном — забота о душе является главной целью жизни человека, тем более когда жизненные ориентиры смещаются, становятся неясными: «Тот, кто о душе своей не заботится, только о смертной плоти печется, подобен тому, кто рабыню кормит, а госпожу отвергает. Тот, кто ищет земных благ, забывая о небесных, подобен человеку, который хочет пахаря иметь на стене изображенного, а не в поле пашущего» (Послание отца к сыну // Изборник: Повести Древней Руси. М., 1987. С. 214). Или: «...думал, как бы корабль своей души уберечь с Божьей помощью от многих бурь и волн, то есть напастей от бесов и людей, с надеждой не погибнуть в этих бедах и достичь пристанища спасения, и в тишину Небесного Иерусалима нашего Бога пройти. Ибо в святых книгах пишется, что здешняя жизнь — это смерть, искушение и война, так что трудно кому-либо пройти ее без напастей, но возможно лишь совершенствуя душу свою, укрепляя ее в вере и силе, совершенствуя в подвигах любви к ближнему» (Житие Авраамия Смоленского // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 73).

Но, несмотря на совершенство первого человека, грехопадение — факт истории. Следовательно, возникает вопрос о зле в мире, его причинах и появлении.

В ряде текстов мы можем видеть попытки ответить, почему в мире существует сила, способная нарушить волю Бога. Например, авторы «Изборника Святослава...» объясняют, что Бог допускает существование зла (так называемая концепция «Божьего поущения») со следующими целями: показать свое могущество, испытать силу любви к Нему, выявить тех, кому будет даровано бессмертие, побудить к выполнению норм, предписанных Им. Это одна сторона теодицеи, другая состоит в том, что человек сам повинен, что «погубляет своя пути... человек самовластен есть о своем спасе и погыбели» (Изборник Святослава 1073 года. М., 1983. С. 165). Таким образом, ответственность за зло перекладывалась на каждого индивида, который сам решает свою судьбу, так как воля человека свободна. Иоанн экзарх Болгарский дополняет: «И не ищи зло вне себя, не думай, что оно было изначально создано злым естеством, но пусть каждый сам в себе поищет зло... потому

что оно происходит от него самого... Истинное зло берет начало от добровольного отступления от добра. Если бы оно не зависело от нашей собственной воли, то не было бы страха у тех, кто творит неправду» (Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Слово I дня // Общественная мысль: Исследования и публикации. М., 1993. Вып. 4. С. 193).

Грехопадение человека имело нравственные (ослабление власти духа над телом) и физические (болезни, тяжелый труд) последствия.

Подобные рассуждения привели к тому, что появлялась склонность к оценке всего в таких универсальных категориях, как добро и зло. Например, по мнению авторов «Пчелы», человек может быть либо только лукавым и злым, либо добродетельным и правым, нравственные качества зависят от его «естества». Но человек, в принципе, может преодолеть в себе зло, способен воспитать потребность в добре. И наоборот, человек по природе добрый может стать орудием лукавого, если не испытывает, «что есть естеством добро и что есть зло». И в «Изборнике Святослава...» вся окружающая человека действительность представлена либо как зло, либо как добро. Но, что интересно, при самом внимательном изучении текста почти невозможно обнаружить суждения проблематические, все четко соотнесено с понятиями «добро» или «зло». Показательна в этом плане статья «О супротивных». Названные понятия трактуются таким образом: «Супротивья же истовая суть елико же их погублениемъ супротивныхъ составляютъ ся, рекше, доброта и злоба, видение и слепоту» (Изборник Святослава... С. 233). Добро же существует отрицанием-зла, это прямо противоположные явления: «...погубляеме злобе съставляеть ся доброта... да сиця убо супротивня наричетъ ся, елико же в купе съставити ся не могутъ, нъ всяко погубляемо единому есть другое» (там же. С. 233 об.). Добро выступает как совокупность космологических, социальных, психологических и биологических факторов, благоприятно влияющих на субъект.

Мир построен «страданиями, скорбями и отрадами», а беды, посылаемые Богом — залог возвращения его в изначальное состояние. Наказания следует воспринимать как радость, и благодарить за них Бога. Более того, они есть ценность и благодать. Парадокс ряда высказываний устанавливает обратную пропорциональную зависимость между злом и эсхато-

логической благодатью: «Рече Господь, яко выплачете рыдаете вы, мир же весь возрадуется, а вы в печали будете... И предани будете и от родитель, и братия, и другы, и уморять от вас, и будете ненавидимы от всех, имене моего ради. В тѣрпении вашемъ приобретаєте и душа ваша» (там же. С. 66).

Несмотря на четкое разграничение мира на добро и зло, для авторов данного периода характерно довольно лояльное отношение к человеку. Показательным в данном вопросе является «Изборник 1076 года», в котором предлагается широкий спектр стилей жизни человека. Однако превалирует все же дух умеренности. Требования, звучащие в тексте, не подразумевают и не призывают прямо к прекращению трудовой деятельности, социальных контактов, к религиозному экстремизму, не рекомендуют всем и сразу же отказаться от семьи, имущества и т. п. Хотя и в духе христианского мировосприятия звучат мысли о бренности и тленности всего земного и об идеале стремления к небесным благам: «Чядо не буди самохотью лишен вечнааго жития. Греха бежи, яко ратьника, губящего душу твою. Не въсхошти веселовать ся в мире семь. Все бо веселие света сего с плачем коньчавається, и се яве видете в мире семь в двоих суседех: у сих сватьбу творять, а у других мрътвеьца плачють. И ть же плачь суетьны — дньсь плачють ся, а утро упивають ся. Темь же разумеи суету века сего и скоропадающтю плоть нашу. Днѣсь бо растем, а утро гнием. Темь же в молеми животе възмѣти вечныя жизни ими же от сея жизни вечныя несть ни скѣрби, ни въздыханія, ни плача, ни сетованія, нѣ радрсть и веселие, свет и мѣрыця, слѣньце сам Господь. Ту жизнь възлюби, к тои по вься дньи тѣшѣи ся и о то и вѣину помышляи» (Изборник 1076 года. М., 1965. С. 168).

В «Изборнике 1076 года» обрисованы семь ступеней, прохождение которых приближает человека к Богу. Первая — человек погружен в плотские страсти и предстоит перед Богом как «пред смертью». Вторая — как должник, предстоит и отвечает Богу. Третья — как раб, со страхом и молитвой. Четвертая — когда как «наимьник», обладающий свободой и желающий получать плату. Пятая — человек как друг предстоит Богу и обращается к Нему. Шестая — когда как сын к Богу «дерзает». Седьмая — «Вышии вьсех есть и на преждеспяние, братосътворение к Богу» (там же. С. 597 — 600). Существенно то, что моделью для определения действительного

места каждого элемента этой градации послужили на первых этапах отношения трудовые, на последующих — общественные и кровнородственные, а также то, что в данном случае приходится говорить о факте сообразования требований, предъявляемых объекту религиозно-идеологического воздействия, с состоянием религиозности в еще нетеологизированном русском обществе.

Подобные рассуждения звучат и в оригинальных русских текстах, например в знаменитом «Поучении» Владимира Мономаха. «Поучение» Владимира обращено не только к сыновьям — будущим правителям, но и вообще к любому человеку, и отражает понимание цели и смысла жизни: долг, вера, труд.

Общество сталкивалось с тем, что, несмотря на требования переосмыслить и построить все отношения на основе четкого понимания дилеммы добро — зло, перемены происходили медленнее, чем хотелось бы. Строятся многочисленные храмы, они украшаются иконами, звучит церковная музыка, но за оградой храма идет жизнь, пронизанная языческими суевериями. И русские книжники понимали, что враз и резкими мерами этой ситуации не изменить. Они уповали на постепенное развитие начавшихся процессов в обществе, вызванных распространением христианства, и на время. Эту тенденцию отразил киевский митрополит Иларион: «...ибо мы... стадо, которое Ты только начал пасти, отторгнув от пагубы идолослужения...» (*Иларион. Молитва* // *Иларион. Слово о законе и благодати. Молитва. М., 1994. С. 102*). И разрешить это противоречие виделось возможным, лишь проявляя терпение и терпимость, понимая сложность и противоречивость души человека и ее устремлений, которые еще более усложняются в эпохи исторических потрясений и перемен.